

Бахыт Бабашевна АБИЛКАСЫМОВА
ШАРИПА Сыздыковна НУРЖАНОВА

Казахский национальный университет им аль-Фараби,
Алматы, Казахстан

Наблюдения за демагогическими текстами казахстанских русскоязычных газет революционного времени

Резюме: То, что язык газет является весьма действенным инструментом власти, политики, средством пропаганды является на сегодняшний день уже аксиомой. Данное наблюдение за демагогическими текстами революционных газет доказывает, что использование языка властью характеризуется «не только стилистикой и словарём, сколько особым отношением к реальности. Это отношение к реальности определяется, прежде всего, идеологией.

Для осмысления современного состояния русского языка необходимо изучить прошлое этого языка, ибо тоталитарный язык оказал принудительное воздействие на языковое сознание.

Революция 1917 года и гражданская война для России и её колонии – время величайших конфликтов и потрясений, сопровождавшиеся интенсивными «языковыми переживаниями», изменением «языкового состояния». Тоталитарный язык, обслуживая государственную и политическую систему особого типа, обладает функциональной спецификой, которая особенно ярко проявляется в период глобальных конфликтов. Именно в первые послереволюционные годы происходит активная идеологическая переработка русского языка. Формирование и поддержание особого идеологизированного языка является эффективным средством пропаганды, позволяющим создать определённую картину социальной ответственности. Газета – канал, через который осуществлялось эффективное воздействие тоталитарной идеологии на общественное сознание.

Наблюдение за извлечёнными из казахстанских газет [«Голос Семиречья» (1919 г.), «Джетгысуйская правда» (1923), «Туркестанский коммунист», «Правда Семиреченской области» (1920)] компрессивных демагогических текстов показало, что каждый такой текст передаёт определённую идеологему: содержит соединение двух или более идеологем – суждений, предписанных тоталитарной системой в качестве официальных догм. Одной из самых общих идеологем является идеологема противостояния на базе которой моделируется картина нового мира. Она внедряется как обязательная и мотивируется рядом экстралингвистических факторов: революция, классовые противоречия, угроза извне, внутренняя угроза, победа реакции. В данной статье выявлены и охарактеризованы идеологемы противостояния и безальтернативного выбора и даётся попытка про-

следить за механизмом идеологизации лексем русского языка, которая обнаруживается на этапе выхода исследуемых газет, в эпоху пролетарской революции.

Ключевые слова: предикат, идеологема, газета, тоталитарный язык, революция, семантика, демагогические тексты

Состояние проблемы

В течение семидесяти лет формировались мировоззрение и система ценностей советского человека, а также особое лингвокультурное сообщество, основа которого заложена не в национально-культурной, а в государственно-политической сфере. «Советский народ – не миф и не публицистическое клише, это действенная и по сей день реальность, предполагающая определённое состояние сознания и установку на поведение личности.» (Купина, 1995, с. 87).

Черты такого сознания хорошо известны: провозглашение примата общественных интересов, господство директивного общения, размытость и несущественность этических норм, официоз и ритуальность во всех публичных ситуациях. Ментальность – мирозерцание в формах родного языка тоталитарного общества находит свое выражение в отдельном слове и устойчивом обороте, языковых предпочтениях и текстах, т.е. в языке эпохи (Колесов) Тоталитарный язык, обслуживающий определённое мировоззрение, политическую систему, прошел свой путь развития в Германии (W. Schlagen, 1976; M. Funke, 1978), Польше (А. Вежбицка, 1978, 1993 и др.) и, конечно в России (Кронгауз, 1993; Купина, 1993, 1994; Макиенко, 1998; Седов, 1993; Романенко, Санджи-Гаряева, 1993 и тд.).

Феномен тоталитарного языка имеет лингвокультурный характер и не может рассматриваться в отрыве от истории культуры определенного народа.

Революция 1917 года и гражданская война для России – время величайших конфликтов и потрясений, сопровождавшиеся интенсивными «языковыми переживаниями», изменением «языкового состояния» (Селищев, 1928, с. 14).

Формирование и поддержание особого идеологизированного языка является эффективным средством пропаганды, позволяющим создать определённую картину социальной действительности.

Язык может быть использован для искажения информации в целях контроля за сознанием и поведением людей. Манипулирование язы-

ком становится важным средством воздействия на общественное сознание.

Идеологизация и мифологизация языка определяют развитие последнего, а идеологические догмы становятся обязательными для русского речевого обихода. Именно в первые послереволюционные годы происходит активная идеологическая переработка русского языка.

В данной статье даётся попытка проследить закономерности формирования идеологических догм, предписаний русского тоталитарного языка *на этапе его возникновения*.

Методология и материалы исследования

Анализируемый корпус демагогических текстов охватывает события 20–30 гг. XX в., происходивших на территории Казахстана. Данные тексты были выявлены из русскоязычных газет революционного времени, издававшиеся в Семиречье и Туркестане.

В качестве основного источника были использованы газеты: «Голос Семиречья» (Верный) за 1919 г., «Туркестанский коммунист» (Ташкент) за 1919 г., «Джетысуйская правда» за 1923 г., «Правда» за 1920 г. (Верный) методом сплошной выборки. К демагогическим текстам относятся набранные жирным или полужирным шрифтом лозунги, заголовки, подзаголовки, надписи под плакатами, а также поданные курсивом или заключенные в рамки цитаты, высказывания, эпиграфы, отдельные фразы из статей, репортажей, заметок, набранные жирным или полужирным шрифтом. Используемый в настоящей статье метод компонентного анализа позволяет описывать содержание концептов, заданное идеологически, имеющее множество форм языкового выражения. Компонентный и контекстологический анализ позволяют выявить характер деформации, которые претерпевают семантика слов и связанные с ней концепты.

Результаты исследования

Газета – канал, через который осуществляют эффективное воздействие тоталитарной идеологии на общественное сознание. При этом идеологические догмы подавались так, чтобы у читателя не было сомнений в их актуальности «Цель демагогических текстов

– навязывание адресату предвзятого осмысления и односторонней оценки предмета обсуждения» (Федосюк, 1992, с. 18).

Наблюдение за извлеченными из казахстанских газет компрессируемых демагогических текстов показало, что каждый такой текст передает определенную идеологему: содержит соединение двух или более идеологем – суждений, предписанных тоталитарной системой в качестве официальных догм. Цель демагогических текстов – навязывание адресату предвзятого осмысления и односторонней оценки предмета обсуждения (М. К. Федосюк). «Тоталитарный язык представлял своего рода систему идеологем и служил средством формирования идеологизированного сознания «советского человека» (Зем) (Земская, 1996, с. 63).

Лингвистический статус идеологемы обосновала Н. А. Купина, определив идеологему, во-первых, как «мировоззренческую установку (предписание), облеченную в языковую форму», а во-вторых, – как «языковую единицу, семантика которой покрывает идеологический денотат или наслаивается на семантику, покрывающую денотат неидеологический.» (Купина, 1995, с. 124).

Специфику системы идеологем русского тоталитарного языка первых послереволюционных лет определяют две культурно-идеологические доминанты: противостояния и безальтернативного выбора.

Идеологема противостояния внедряется как обязательная и мотивируется рядом экстралингвистических факторов: революция, классовые противоречия, два мира, угроза извне, внутренняя угроза, победа реакции и др.

Семантический примитивизм – следствие утилитаризма как элемента тоталитаризма, его нравственного идеала (Ахизер, 1993, с. 33). Яркое средство выражения идеологического примитивизма – семантическая оппозиция.

Одной из главных оппозиции является оппозиция *революционный – контрреволюционный*. Частные варианты этой оппозиции: красный–белый, вражеский, враждебный; левый–правый; советский–антисоветский, народный–буржуазный, большевистский–меньшевистский, бедняцкий–байский.

Железные законы революции в своём поступательном движении раздавили ещё одного кроважного авантюриста-Колчака. Они не знают преград, всё отжившее, негодное ими будет стёрто с лица земли и вместо старого будет воздвигнуто новое великое могучее («Правда» 1920, № 8).

И, как только большинство рабочих России уяснили себе оборонический обман, как только рассеялся мираж буржуазной демократии и эсеро-меньшевистской коалиции, партия большевиков ведёт рабочий класс России в решающий бой и приводит его к победе над буржуазией («Джет. правда» 1923, № 21).

Все непролетарское, относящееся к зоне «буржуазное», наделяется отрицательными коннотациями, получает дифференциальные семы, выводящие семантику за пределы идеологического концепта народ и образуются квазисинонимы *буржуазный, капиталистический, дворянский, аристократический, белый, помещичий, манаский, кулацкий, басмаческий, меньшевистский, ...* которые объединяются идеологическим значением «несоциалистический, классово враждебный». Данные лексемы получают отрицательную коннотацию.

Красная армия, прежде всего не оружие истребления, а организованный революционный протест угнетаемых против своих поработителей. Вот почему в рядах красноармейцев только лишь трудящиеся, рабочие и беднейшее крестьянство. В рядах же белой армии сражаются офицеры, сынки помещиков, кулаков, словом, все те паразиты, которые строили своё благополучие на угнетении и обмане бедняков («Правда» 1920, № 43).

В тисках классовой оппозиции, классовой идеи резко деформируется, идеологизируясь, семантика слова *интеллигент, интеллигенция*. До революции с данной лексемой было связано духовное внеклассовое содержание: *разумная, образованная, умственно развитая часть жителей (словарь Даля)*.

В данных демагогических текстах в семантическую структуру слова интеллигент – название лица включаются семемы «безвольный, колеблющийся, подленький».

Углубляясь в психологические причины этой революционной отсталости мы определённо можем зафиксировать один факт: Семиреченская буржуазия и её лакей интеллигенция играют повидимому крупную роль в общественной жизни Семиречья, имеющую непосредственное влияние на ход революционного развития («Голос. Сем. 1919, № 63).

Принадлежность направления к «ненашему» маркируется приставками контр-, анти:

Товарищи, наша задача – скорее все под ружьё, и единым последним ударом раздавить контр-революцию, и освободить угнетённый и истекающий кровью от Колчаковского ига трудовой народ Сибири («Голос. Сем.» 1919, № 22).

В текстах *идеологема противостояния* всегда поддерживается формально выраженной семантико-идеологической оппозицией (Кузнецова, 1983, с. 29). Оппозиция может задаваться как определенное статистическое противостояние двух миров:

Там – драка, война, кровопролитие, жертвы миллионов людей, эксплуатация капитала, здесь – настоящая политика мира и социалистическая республика Советов («Голос. Сем.» 1919, № 4).

Местоименные наречия *там – здесь* используются как устойчивые пространственно-идеологические сигналы мира капитализма и мира зарождающегося социализма. Непреодолимость оппозиции подчеркивается цепочкой характеристикаторов, расположенных в параллельных синтаксически однородных рядах.

Первый ряд разветвлен: он включает пять позиций: *драка; война; кровопролитие; жертвы; эксплуатация*. Первые четыре имени семантически связаны, они передают вариантные представления о войне и ее сущности, развивают идею агрессивной природы капитализма, порождающего захватнические войны. Собственно экспрессивные, коннотативные единицы – кровопролитие, жертвы обуславливают появление безусловно отрицательной оценки, которая усиливается с помощью конкретизации одного из членов, помещенных в однородный ряд единиц: жертвы миллионов людей (идеологема массовости). Еще один элемент в ряду однородных характеристикаторов враждебного мира – эксплуатация (капитала) – передает идеологема *неравенства, угнетения* и преддицирует мир капитала как социально несправедливый. Таким образом, местоименный указатель *там* наполняется идеологемами агрессивной хищнической природы капитализма, социального неравенства, угнетения.

Второй ряд характеристикаторов менее разветвлен. Он включает лишь две позиции, заполненные устойчивыми сочетаниями, передающими идеологема *мира и солидарности: политика мира; социалистическая республика Советов*.

Таким образом, местоименный указатель *здесь* в целом противопоставляется указателю *там*. Оппозиция двух миров оказывается непримиримой.

Слова-идеологема *здесь – там* становятся символами «нашего» и «ненашего» мировоззрения.

Идеологема *противостояния* двух миров поддерживается динамической оппозицией, развивающейся «в пользу» нового мира. При

этом обе части оппозиции могут иметь формальное лексическое выражение, например: Пролетариат имеет возможность сломить сопротивление капиталистов.

Глаголы, в семантике которых имеется сема насилия, часто иллюстрируется с помощью контекстов, связанных с ситуацией насильственного уничтожения.

Нужно помнить, что мы пролагаем дорогу в новый мир – мир свободы – в коммуны. Не нужно забывать того, что дорога эта трудна, усеяна терниями и неоднократно приходится «мостить» её своими трупами и обгагрять своею кровью, ибо на этой «большой» дороге, возможны набеги разбойников и бандитов. Их много: помещики, фабриканты, заводчики, купцы, торговцы, крупные, мелкие, большие и маленькие, все они стоят на этой дороге («Голос. Сем.» 1919, № 35).

Противостояние обусловлено идеологемой *классовости*: пролетариат в целом противопоставлен капиталистам. На фоне идеологемы *сопротивления, разрушения* формируется неявная идеологема *победы пролетариата*.

Динамическая оппозиция может быть представлена только одно-сторонне, однако, направление развития и разрешения оппозиции всегда безусловно:

Марш красных батальонов.
По трупам убитых мы твёрдо идём
Под ритм батальонов железных
Великую песню победы поём –
О павших бойцах беззаветных... («Правда» 1920, № 2).

Шайки под ударами Красной армии тают и тают и не далек тот день, когда «цветущая жемчужина Туркестана», очищенная совершенно от банд басмачей под благодатной тенью красного знамени советов, расцветет еще более пышно, чем прежде («Джет. правда» 1923, № 15).

Меч Красного Октября занесен над буржуазным миром, и недалёк день, когда он навсегда покончит с ним, и над всеми, задыхающимися под игом капитала странами разовьётся красное знамя труда («Джет. правда» 1923, № 18).

Призыв внедряют идеологемы *борьбы и разрушения* как следствие идеологемы *социальной несправедливости*. Угадываемая идеологема *победы* подготавливает миф о священной борьбе пролетариата за справедливость.

Наступил 1920 год и из туманной дали веков быстро приблизился чудный корабль. На высоких мачтах в утренних лучах реют красные флот горит заветный девиз; братство трудящихся. Уже летит навстречу к нему голубь с маслиной веткой. Трудящиеся всей земли протяните же скорее братскую руку отважным пловцам и в 1920 году от рождества Христова они вступят на твёрдую землю вечной мировой коммуны («Правда» 1920, № 1).

Демагогический текст *Умрем иль победим* («Голос Сем.» 1919, № 35) отражает реальную ситуацию борьбы за власть. Сталкиваются ситуации, отражающие идеологему классовой борьбы. Непримируемость, невозможность компромисса, соглашения приводят к однонаправленному выбору: диктатура пролетариата – единственно возможная форма государственной власти, отражающая интересы народа. Формируется идеологема *безальтернативного выбора*. Неявная идеологема *разрушения-свержения* выступает как условие победы пролетарской власти Советов.

Идеологизируется числительное «два», вмещающее смыслы «противоположные», «несовместимые». Два (две) – это всегда стороны, «борющиеся» до справедливой победы: два мира – две системы, две власти.

Мир разделен на два непримиримых враждебных лагеря. Борются два Интернационала: черный и красный. На одной стороне красное знамя революции с эмблемой серп и молот, а на другой – черное знамя реакции.

Одно несёт освобождение человечеству, другое – рабство и угнетение. («Джет. правда» 1923, № 36).

Обобщённое понятие *врага* возвышает и облагораживает идею разрушения, отчуждая её от конкретного лица, от конкретики физического уничтожения, от образа крови.

Пусть помнят банды Колчака, что мы будем бороться до последней капли крови. И завоёванную свободу мы дешево не отдадим («Голос. Сем.» 1919, № 33).

В настоящий момент – момент напряжённой борьбы труда с капиталом, все силы народа трудящегося и эксплуатируемого народа должны быть соединены и направлены только к одной общей цели – полной победе и сокрушению капитала и представителей его буржуазии («Голос. Сем.» 1919, № 43).

Частную оппозицию образуют идеологемы *красный террор – белый террор*. Красный террор, как понимают читатели, это справедливое возмездие за злодеяние белых, средство защиты.

Объект (жертвы) красного террора подаётся в обобщённом плане, в то время как объект (жертвы) белого террора конкретизирован собственными именами вождей Колчак, Дутов, Деникин и пр.

Тексты с лексемами *религия, мулла, архиерей, православные, имам* и т.п. способствуют формированию оценочного восприятия всего религиозного как чуждого, вредоносного, разрушительного. Идея существования Бога декларируется в газетах как вредоносная для трудящихся, отвлекающая их от классовой борьбы. На страницах газет используется квазиидеологема «Религия – опиум народа»:

В селе Александровке священник Никитенко повёл «духовную» работу против культпросветкома и советской школы, ругая их оскорбительными, непечатными словами. Конечно, для попа лучше, если крестьянство будет неграмотно: легче богом пугать, в которого сам не верит («Джет. правда» 1923, № 37).

Для выражения противостояния часто используется предлог *против* в значении: «на другой идеологической стороне от кого-чего-нибудь». Например: За насилие против эксплуататоров; Кто против диктатуры рабочих, тот хочет разоружить и предать их; Меч против врага; Бешеное сопротивление.

Существительное *противодействие* приобретает смысл «*идеологическое сопротивление*»:

Солдаты окажите активное противодействие корниловцу Керенскому. Будьте настороже! («Голос Сем.» 1919, № 33).

Накануне пасхи, 7 апреля, когда раздался колокольный звон, призывающий верующих на погребение «плащеницы», мы слышали мощные звуки «Интернационала» – протест юных пролетариев против религиозной тьмы («Джет. правда» 1923, № 32).

Идеологема *противостояния* принципиальна для тоталитарного мышления: она отражает раздвоение картины мира, обуславливает развитие ряда подчиненных ей идеологем, обуславливает оппозиционное построение всей системы идеологем.

Телеграмма из Токмака от Завгуста с.г. на имя Семиоблисполкома Советов, Комвойск сев. фронта.

Выслушав значение задач постановили послать всем красным фронтовикам, дорогим товарищам, что мы гордо рвемся по зову

товарищей для совместного свержения противостоящих гадов, мешающих нам в социалистическом строительстве, по прибытию нашему опрокинем в один миг и освободим дорогих лепсинцев, а также родное наше Семиречье и всю Федеративную Республику. Да здравствует Советская власть и диктатура пролетариата («Голос Сем.» 1919, № 32).

На фоне идеологемы противостояния в языке формируются ряды синонимов и антонимов, закрепляющих системно новое (с идеологической точки зрения) основание сходства и различия между понятиями и явлениями действительности.

-«Тьма, злоба, страх, сомнение, подлый обман, клевета, ненависть, трусость – неотлучные спутники белогвардейских отрядов, выступающих для порабощения восставших рабочих и крестьян.

Свет, вера в правоту дела, крепкая братская сплоченность, желания жертвовать собой для общего дела – спутники наших красных отрядов, борющихся против черной своры собак за светлый день, за мир и свободу для всех трудящихся мира, за возможность всем народам мира жить, трудиться и свободно строить своё новое царство труда и справедливости» («Голос Сем.» 1919, № 6).

Воззвание.

Станичники! Жизнь или смерть, помните это, пойдете с Колчаком – смерть беспощадная. Пойдете с народом за Советы, за осуществления социализма – жизнь справедливая, бесконечная, если не нам, то детям, которые дождутся осуществления идеи.

Мы победим – будет порядок и святая жизнь по всей земле. Колчак и К-о победит, – России грозит стомиллионный расстрел народа и беспощадное закрепощение в рабство, в руки народа жаждущих деспотов.

Смерть контр-революции! Да здравствует красное Казачество! («Голос Сем.» 1919, № 6).

Зафиксированная демагогическими текстами ситуация выбора лишь одного из двух возможных решений отражает крайнее проявление тоталитарной идеологии, оперирующей универсальным концептом безальтернативности.

Идеологема *безальтернативного выбора*, выступающая в функции культурно-идеологической доминанты, выражается непосредственно предложениями с разделительными союзами *или, либо*. В таких случаях наблюдается такая «связь ситуаций, при которой

одна самим фактом своего существования исключает другую» [Колесов, 1991, с. 90]. Выбор ситуации осуществляется в соответствии с идеологическими ценностями. Например: Победить или быть побежденным; Убить или умереть; Уничтожить или быть раздавленными.

Совершенно очевидно, что выбор «победы» требует активизации ряда условий. В неявном виде в подтексте соединяются идеологемы *наступления, сплочения, единения, солидарности, героизма, самопожертвования, уничтожения, беспощадности* при обострении идеологемы *противостояния*, Ср.: Либо диктатура помещиков и капиталистов, либо диктатура рабочего класса; Либо черная, либо красная диктатура – середины нет.

Одна часть населения с оружием в руках стала на защиту прав трудящегося народа, другая же часть населения должна, тесно сомкнув свои ряды, образовать мощную тыловую армию труда, объединившись в профессиональных союзах в одну общую, тесную трудовую семью («Голос Сем.» 1919, № 37).

Готовьтесь принять последний и решительный бой! Наш девиз «Умрём или победим» («Голос Сем.» 1919, № 37).

Надо соединиться, слиться, войти к своим массовым революционным бедняцким организациям, к союзам «Кошчи», с ними вместе вести выборную работу («Джет. правда» 1923, № 12).

Выбор в пользу одной из сторон идеологической альтернативы может мотивироваться, разъясняться. Мотивировка выступает здесь как средство агитации, речевая тактика привлечения масс к определённому выбору:

А ведь самое большое счастье, самое большое завоевание, ибо нет ничего труднее как завоевать чувства человека. Это отношение населения к красноармейцам указывает на их собственное поведение, оно указывает, что красноармейцы совсем не те, кем их привыкли рисовать противники Советской власти. Все это указывает, что наша Советская армия совершенствуется, что в ней начинает укрепляться трезвый ум и дух истинного социализма, что в ней начинает укрепляться самосознание и революционная самодисциплина, а это в свою очередь, в скором будущем станет грозой не только белогвардейцев местного изготовления, она будет грозой всемирного капитала. Да здравствует всемирная армия труда и 3-Интернационал! («Голос Сем.» 1919, № 63).

Идеологема безальтернативного выбора может передаваться с помощью риторического вопроса:

Неужели иссяк у нас источник революционной энергии? Неужели наши проклятия народным угнетателям были только пустыми, ничего не значащими словами? («Джет. Правда» 1923, № 33).

И ужели начатое святое дело мы оставим незаконченным и дадим восторжествовать классу имущих хищников?» («Голос Сем.» 1919, № 22).

Идеологический фанатизм непосредственно проявляется в демагогических текстах, разрабатывающих концепт безальтернативности. Смерть в этом случае – лишь необходимое рядовое звено, выбор которого естественно вытекает из законов революционного времени.

Пусть помнят банды Колчака, что мы будем бороться до последней капли крови. И завоеванную свободу мы дешево не отдадим («Голос Сем.» 1919, № 33).

Идеологема *безальтернативного выбора* в наиболее явной форме передает основную функцию тоталитарного языка – функцию предписания. Линия противостояния, общий выбор идеологом, распределяющихся в соответствии с идеолого-семантически противопоставленными сферами определяют направление выбора.

Концепт безальтернативности проходит через всю систему русского тоталитарного языка идеологом. Он определяет специфику тоталитарного мировоззрения, выбор ценностных ориентиров.

Политика советской школы состоит в том, чтобы дать государству гражданина, могущего рассматривать все общественные явления под углом определенного материалистического мировоззрения. Создание в ученике другого мировоззрения – тоже политика, но политика антисоветская, допустимая в старой школе и нетерпимая в современной («Джет. правда» 1923, № 26).

Пора алматинскому учительству понять смысл Октябрьской Революции, чтобы не очутиться в учреждении, возглавляемом В. Городецким, или в архиве («Джет. правда» 1923, № 7).

Антирелигиозная пропаганда должна проникнуть во все норы школьной жизни, во все преподаваемые предметы и дети должны сами, по наводящим вопросам учителя, дойти до сознания материального понимания всего существующего («Джет. правда» 1923, 38).

Концепт безальтернативного выбора определяет односторонность развития динамической оппозиции, вносит в картину нового

ментального мира идеологическую семантику предназначения, которая позволила тоталитарной идеологии стать «единственным мировоззрением», превратиться в «подобие государственной религии» (Бердяев, 1990, с. 122).

Заключение

Будучи по своей природе явлением динамическим, язык меняет своё состояние во времени. В настоящее время когда, казалось бы, изменился политический и экономический курс в стране и проводятся новые радикальные рыночные реформы, тем не менее на страницах газет «демагогические приёмы в политическом дискурсе газеты носят регулярный характер и используются в комплексе: суггестивность общения, констатирующий характер речи обуславливает употребление приёма солидаризации и бездоказательных утверждений.» (Ахизер, 1993, с. 34). Феномен тоталитарного языка требует конкретного системно-лингвистического осмысления, т.к. тоталитаризм представляет собой политическую систему, в которой «государственная власть достигает полного или тотального контроля над обществом» (Медушевский, 1993, с. 90) и над языком.

Список использованной литературы

- Ахизер А. С. (1993), *Россия как большое общество*, «Вопросы философии», № 1.
- Бердяев Н. А. (1990), *Истоки и смысл русского коммунизма*, М.
- Земская Е. А. (1996), Клише новояза и цитация в языке постсоветского общества, «Вопросы языкознания», № 4.
- Колесов В. В. (1991), *Отражение русского менталитета в слове*, «Человек в зеркале наук», Л.
- Кузнецова Э. В. (1983), *Язык в свете системных отношений*, Свердловск.
- Купина Н. А. (1995), *Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции*, Пермь, Екатеринбург.
- Медушевский А. Н. (1993), *Демократия и тирания в новое и новейшее время*, «Вопросы философии», № 10.
- Селищев А. (1928), *Язык революционной эпохи*, М.
- Тошович Б. (1994), *Язык в конфликте*, в: *Проблемы языковой жизни Российской Федерации и зарубежных стран*, М.

- Федосюк М. Ю. (1992), *Лингвистические признаки демагогических текстов*, в: *Теория текста: Лингвистический и стилистический аспект*, Екатеринбург.
- Фирсанова Т. В. (2009), *Языковая демагогия в политическом дискурсе газеты*, «Вестник КарГУ».

Список сокращений

Голос Сем. – Голос Семиречья

Джет. правда – Джетысуйская правда

Правда – Правда

При воспроизведении газетных демагогических текстов сохраняются орфографические и пунктуационные особенности источника.

Remarks on the demagogic texts published in Russian-speaking Kazakhstani newspapers at the time of the Revolution

Summary

It is an axiom to say that the language of the print media is a highly effective instrument of power, politics and propaganda. This paper illustrates the fact that language can be ‘powerful’ in terms of style and lexicon, and of the attitude to reality it expresses, which is primarily related to ideology. The authors stress the role of the Russian language in the totalitarian propaganda of the period concerned.

The 1917 Revolution and civil war in Russia marked the period of the greatest conflicts and a turmoil that was accompanied by an intense ‘linguistic experience’ and changes to the ‘status’ of the language. In the years immediately following the Revolution the role of the official language, conveying the single official ideology was enormous and newspapers turned out to be an efficient instrument of propaganda. They provided the main channel of totalitarian ideology, efficiently influencing social consciousness.

This paper is based on an analysis of texts published in three Kazakhstani newspapers: “Glos Semirechye” (1919), “Dzhetysuyskaya Pravda” (1923), “Turkiestan komunistychna”, “True Semirechensk Region” (1920). It is demonstrated in the conclusions that the demagogic texts published there conveyed the ideology of a totalitarian system. One of the main messages conveyed in these texts concerned the image of a new world shaped by such factors as the Revolution, contradictions between different social classes, external and internal threats, as well as threatening the victory of reactionary forces. This paper attempts to identify and characterise the manifestations of ideology propagated at the time of the proletarian revolution.

Key words: ideologies, newspapers, revolution, semantics, demagogy, Russia